

В результате Карибского кризиса отношения между двумя лидерами, отцом и президентом Кеннеди, не только не ухудшились, они стали доверительными, естественно до определенной степени, настолько, насколько можно доверять сопернику. Оба лидера отчетливо осознали свою взаимную и неразрывную ответственность за наше общее «земное» будущее. Отец тогда не раз повторял, что они с Кеннеди защищают национальные интересы своих стран, но они осознают общую ответственность за судьбы мира и полны решимости не допустить взаимоуничтожительной войны. Шаг за шагом Белый дом и Кремль нащупывали пути совместного решения проблемы мирного сосуществования, старались лучше понять друг друга и даже в чем-то помочь другой стороне, естественно, не в ущерб себе.

В 1963 году многое происходило в мире: Кремль и Белый дом договорились установить прямую линию связи, не зависящую от международной телеграфной компании «Вестерн Юнион», вернее, арендовали в ее трансокеанском кабеле пару проводов. Советский Союз, без скандала и протестов со стороны США, подписал давно обещанный мирный договор с ГДР, и наконец 5 августа 1963 года главы дипломатических ведомств трех стран СССР, США и Великобритании: Андрей Громыко, Дин Раск и Лорд Дуглас Хьюм заключили в Москве соглашение о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, под водой и в космосе. После подписания отец пригласил всех участников переговоров в Пицунду, чтобы там без помех обсудить проблемы, требующие взаимного решения.

Примерно в то же время, в середине 1963 года, естественно, не забывая о собственной выгоде, Джон Кеннеди решил дипломатично, исподволь преподать отцу пару советов в реформировании советских хозяйственных отношений. То, что Хрущев готовится к новому этапу экономической реформы, еще более глубокой децентрализации советской экономики, упрощению отношений производителей и государства в Белом доме догадались еще в прошлом, 1962 году. Аналитики разведок обеих стран внимательно читают газеты, в Вашингтоне – советские, а в Москве – американские. Умные люди в Вашингтоне понимали, что ни Либерман с Лисичкиным, ни Белкин с Бирманом не могут начать дискуссию в «Правде» без поддержки и одобрения самого Хрущева. Но тут грянул Карибский кризис, и американскому президенту стало не до хрущевских экономических новаций. Теперь, когда все более-менее утряслось, Кеннеди пришлось в голову отправить в Москву послом человека умного, выдержанного и знающего – такого, который сможет присоветовать отцу что-то, с точки зрения Белого дома, полезное. Не один Кеннеди, но и лидеры других стран знали: отец благоволит к разумным и просто умным послам. Охотно идет на сближение, подолгу беседует на всевоз-

⁸⁵ Детально эта встреча описана Олегом Трояновским в книге «Через годы, через расстояния» (М.: Вагриус, 1997).

⁸⁶ Гэлбрейт Джон Кеннет, американский экономист. С 1988 года иностранный член АН СССР, представитель институционализма в современной политэкономии. Автор теории «нового индустриального общества».

можные темы. Приглашает их к себе на дачу, на настоящую дачу Горки-9, а не в ничье Ново-Огарево, предназначенное для официальных приемов иностранцев. Особо теплые отношения, у отца установились с Велько Мичуновичем, послом Югославии и американским – Лоулином Томпсоном.

Кеннеди остановил свой выбор на Гарвардском профессоре-экономисте Джоне Гэлбрейте, авторе теории современного индустриального общества, в котором происходило, по его мнению, сближение двух противоборствующих социальных систем, на фоне экономического прогресса и социализации общества сглаживались политические и идеологические противоречия. В результате капитализм и социализм найдут общий язык, совместно синтезируют новое общество всеобщего процветания. Эту теорию называли конвергенцией, от латинского слова «convergo» – схождение. Термин, ранее использовавшийся в биологии для обозначения «возникающего в процессе эволюции, вследствие единства обитания в близких внешних условиях и одинаковости направления естественного отбора, сходства в строении и функциях у относительно далеких по происхождению групп организмов». Кеннеди, друживший с Гэлбрейтами, знал об умозаклчениях ученого из первоисточника и наверное поэтому летом 1963 года пригласил Гэлбрейта в Белый дом и предложил ему поехать в Москву представлять Соединенные Штаты. И не просто представлять их, а попытаться донести до Хрущева последние веяния мировой экономической мысли. На что рассчитывал американский президент? Естественно, он не предполагал склонить отца к капитализму, но и господствовавшие в те годы на Западе экономические теории отводили государству существенную роль, если не в прямом управлении, то в воздействии на пути развития народного хозяйства, а тут еще и конвергенция. Так что почва для взаимопонимания имелась, а взаимопонимание в мировых делах – вещь редкая, и оттого – особо ценная.

Предложение Кеннеди повергло Гэлбрейта в ужас: вот так, за здорово живешь, бросить успешную академическую карьеру, променять ее на Госдепартамент, да еще отправиться в Москву учить Хрущева рыночной экономике. Хрущева, который само слово это почитает за бранное. С другой стороны, президенту страны не откажешь, и не просто президенту, а старому доброму знакомому. Гэлбрейт все же произнес: «Нет». Кеннеди его долго уговаривал, объяснял, что Советский Союз на распутье и оттого, куда сдвинется экономика российского гиганта, в сторону большей децентрализации и свободы принятия управленческих решений или развернется назад к жесткой командной вертикали, зависит не только судьба СССР, но и будущее его соседей-союзников и соседей-соперников. Естественно, президента, в первую очередь, интересовало благосостояние его собственной страны, США, но в современном мире все так взаимосвязано.

«Рассказ из первых уст о том, как устроена современная мировая экономика, о ее достижениях и потенции наверняка заставит Хрущева задуматься, – убеждал Гэлбрейта Кеннеди. – Не зря он в своих выступлениях ссылается на опыт капиталистической Америки даже чаще, чем на труды Ленина. Кроме вас, Гэлбрейт, такая миссия в США никому не под силу».

Кеннеди попал в точку, отец не только ссылался на опыт капиталистов, но и, где считал полезным, заимствовал их достижения. Другими словами, интуитивно-эмпирически реализовал в своей социалистической практике идеи конвергенции, проповедывавшиеся гарвардским профессором. Не имеет смысла гадать, но Хрущев и Гэлбрейт имели все возможности найти точки взаимопонимания. Если бы, конечно, встретились, но...

О том давнем разговоре с Кеннеди мне рассказал в середине 1990-х годов сам Гэлбрейт. Несмотря на свои девяносто лет, он продолжал преподавать в Гарвардском университете в Бостоне.

– На меня слова президента произвели впечатление, – признавался Гэлбрейт. – Я заколебался.

Гэлбрейт дрогнул, но не сдался. Они договорились встретиться еще раз, но не встретились. 22 ноября 1963 года Кеннеди убили, через год отрешили от власти Хрущева. Новый президент США Линдон Джонсон о существовании гарвардского профессора экономики, скорее всего, и не подозревал, а уж советовать советским руководителям, как им лучше обустроить свои дела и вовсе не собирался. В свою очередь преемники отца – Брежнев и даже Косыгин в советах западных профессоров-экономистов, тем более американских, не нуждались, иностранных послов к себе на дачи не приглашали и душевных бесед с ними не вели.

Перекрыть Советский Союз на американский лад Хрущев, конечно бы, Гэлбрейту не позволил, он до последнего отстаивал государственные интересы своей страны, порой перебарщивал, но никогда не отступал ни на йоту ни перед Западом, ни перед Востоком. А вот заронить в голову отца свежие идеи Гэлбрейт мог бы. Идеи, которые в интерпретации и переложении отца послужили бы на благо экономики Советского Союза, на благо всех нас. Но не случилось, не суждено. Сохранились только полные сожалений воспоминания несостоявшегося посла США в СССР Джона Кеннета Гэлбрейта.